

© Ю.В. Подпоренко

РУССКИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ ГЛАЗАМИ "ТАШКЕНТСКОГО РУССКОГО"

Откликаясь на книгу Н.П. Космарской, прежде чем перейти к содержательному обсуждению, считаю необходимым уделить внимание "рецензионной" составляющей. Будучи по существу научной, эта объемистая книга читается порой столь азартно, что вполне может соперничать с детективом. А все дело в том, что автор, удерживая в своем сознании несколько "сюжетных линий", вовлекает в них и читателя.

Н.П. Космарская ведет точный и скрупулезно аргументированный анализ этнолога и этнографа не только на основе собственных полевых исследований. Она уверенно держит в поле своего зрения огромный массив публикаций (книга может считаться "энциклопедией ссылок" по теме "российские соотечественники") и, что особенно увлекает, ведет весьма убедительную полемику, обнаруживая противоречия и выявляя растущую зависимость науки от политического и социального заказов.

Признаюсь, будучи "ташкентским русским", я читал эту книгу с чувством зависти, как обойденный вниманием сосед. Конечно, те ее части, где Бишкек сравнивается с Ташкентом, читались с повышенным интересом, но поверх него неминуемо вставал вопрос, почему именно Киргизия стала основным объектом изучения? Могла ли быть на ее месте другая страна региона? Субъективных ответов, мотивирующих выбор автором темы и предмета исследования, в самом тексте вполне достаточно. Но на вопрос о том, могли ли стать объектом столь скрупулезного анализа "дети империи", живущие в Узбекистане, ответ, скорее всего, окажется отрицательным. Две его составляющие вполне очевидны: заметно большие открытость и динамичность киргизстанского общества и несопоставимо более значительный удельный вес в нем русского и русскоязычного населения.

Обращаясь к содержательной стороне дискуссии, замечу, что из тех сюжетов, что рассматриваются в книге, меня, естественно, больше всего волнует все связанное с положением русского языка. А из тех вопросов, которые проблематизируются в приглашении к дискуссии – взаимовлияние культур и, особенно, языков на постсоветском пространстве. Речь идет о том, насколько русские за пределами России переняли особенности и черты тех народов, среди которых им довелось жить иногда уже не одно поколение.

Конечно, в Узбекистане, и это учитывается в исследовании Н.П. Космарской, ситуация с положением русского языка существенно иная, нежели в Киргизии. Здесь, скажем так, и не ставится всерьез вопрос о придании русскому языку какого-либо специального статуса. Положение и в советское время было особым. Помню, примерно в середине 1970-х годов мне довелось по комсомольским делам быть в командировке в Фаршском районе в Ферганской долине. Выросший в русскоговорящем Ташкенте, я поразился тому, что русский немного знали только первый и второй секретари райкома комсомола. Чтобы сотрудники райкома меньше ошибались в написании фамилий и отчеств, мне пришлось составить словарь-табличку для заполнения русской страницы комсомольских билетов. И это при том, что уроки русского были обязательными во всех без исключения школах страны. Сейчас позиции русского языка среди нового поколения в сельской местности Узбекистана полностью утрачены. За пределами столицы или крупного города при общении с 20-летними и более младшими по возрасту нужно рассчитывать только на собственное знание узбекского языка. Но вот парадокс – в последние годы растет интерес к русскому языку со стороны тех узбеков, которые хотят дать своим детям приличное образование. И поскольку в русских школах качество образования остается в целом выше, чем в узбек-

ских, в них оказывается все больше и больше ребят из узбекских семей. В некоторых элитных ташкентских школах с русским языком обучения число узбекских детей доходит до 75–80%. В обычных же русских школах доля первоклассников с восточными фамилиями составляет, как правило, 50–60%.

На ежегодных конференциях, организуемых "Русским культурным центром" в День славянской письменности и культуры, где методики преподавания русского языка "как родного" и "как неродного" традиционно обсуждались отдельно, в последние годы царит смятение. С чинных подготовленных сообщений по узкой тематике педагоги-русисты, особенно из провинциальных узбекистанских городов, соскальзывают на недоуменно-удовлетворенные жалобы на то, что в русские школы все чаще приводят своих детей родители узбеки, сами нередко едва изъясняющиеся по-русски, и настойчиво просят научить их уму-разуму.

Конечно, нынешняя ситуация возникла не сразу. В первые постсоветские годы идея национально-культурной самостоятельности, как и в Киргизии, на некоторое время широко овладела не только верхами, но и массами. Но намерения и декларации, заявленные в начале периода независимого развития Узбекистана, оказались не вполне реализованными. И русский язык, что называется, "самотеком", без какого-либо внешнего (как, например, попытки давления на страны Балтии со стороны России) или внутреннего воздействия (наличие значительной части русскоговорящего населения, которое в первые постсоветские годы здесь стремительно сокращалось и сейчас составляет примерно 3–4%) стал вновь обретать авторитет.

Вопрос о взаимовлиянии культур и, особенно, языков в советском и постсоветском пространстве ставился, действительно, односторонне, и продолжает обсуждаться в основном в русле "русификации". Между тем всегда существовал и встречный процесс языковой национализации русских, живущих за пределами России. В школе, где нам преподавали в обязательном порядке узбекский язык, предмет этот ничего, кроме досады, не вызывал. Именно предмет, а не сам язык, разумеется. Потому что преподавал его нам школьный завхоз, видимо, по совместительству, а учебники были полны ненужных казенных фраз, никак не похожих на те, что, естественно, я слышал на улицах, на рынках и т. д. И только во время учебы в Ташкентском театральном-художественном институте им. А.Н. Островского я узнал кое-что любопытное и об узбекском языке (например, что ташкентский диалект его считается грубоватым и к тому же заметно подпорченным русицизмами и сильным русским акцентом, а за хорошим произношением при наборе узбекских актеров, особенно для пополнения труппы Узбекского академического театра драмы им. Хамзы, специальные приемные комиссии выезжали в Ферганскую долину; просмотрев множество спектаклей на узбекском языке, я и сам начал улавливать, что язык ташкентского базара и литературный узбекский заметно различаются). Заметил я и такую закономерность: взрослые узбеки, т. е. люди старше меня на 20–30 лет, говорят по-русски, как правило, с заметным и неистребимым акцентом, не очень благозвучным. А их дети – уже без акцента, но и... без хорошего родного языка. Для меня этот феномен до сих пор остается загадкой. Теперь уже, правда, все больше загадкой истории, поскольку новое поколение молодых узбекских "яппи", по крайней мере, некоторая часть его, превосходно владеет и узбекским, и английским, и русским. Русского с сильным узбекским акцентом я встретил одного-единственного за всю свою жизнь, родом он был, кажется, из Сурхандарьи.

Желания политиков не всегда адекватны их возможностям влиять на языковые процессы. Например, в современном Узбекистане сосуществуют два письменных узбекских языка – на латинской графике и на кириллице. Латинизированные тексты – для вывесок и парадных изданий. А для передачи реальной информации – кириллица, на которой по-прежнему выходят газеты. Русский же язык, оставаясь по-прежнему юридически не оформленным, возникает на всевозможных презентациях, конференциях и круглых столах, в сборниках материалов и т. д.